

СТРУКТУРООБРАЗУЮЩИЕ ОТРАСЛИ И СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНА

УДК 338:91

А.А. Вазим

УПРАВЛЕНИЕ ПРЕДПРИЯТИЯМИ ТЭК В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА: ВЫБОР ОПТИМАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ*

Дан анализ роли предприятий ТЭК в региональной экономике и выбора оптимальной стратегии взаимодействия региональных администраций с нефтегазодобывающими компаниями.

Ключевые слова: регион, стратегия развития, энергетическая сфера.

В настоящее время часто поднимается вопрос об определении стратегии развития страны, региона, отраслевой структуры экономики. Финансовый кризис резко ускорил процессы структурной перестройки экономики – были закрыты или присоединены к другим ряд банков, страховых компаний, сети розничной торговли (ритейла). На федеральном уровне принимаются беспрецедентные меры поддержки предприятий реального сектора экономики. При этом задачи экономического развития страны и регионов, поставленные ранее, требуют сохранения достигнутого уровня финансирования, а в ряде случаев даже его увеличения, например для реализации приоритетных национальных проектов.

Структурная перестройка экономики

Выбирая стратегию развития региона, а тем более управление стратегией развития какого-либо объекта, следует определиться в главном: чего мы хотим получить в результате реализации данной стратегии. Поэтому в ходе анализа управления предприятиями ТЭК в Томской области мы считаем необходимым сделать особый акцент на том, чего мы, собственно, хотим получить в результате развития всех предприятий области, а лишь затем рассмотреть роль ТЭК в реализации общей стратегии развития Томской области.

Итак, определение стратегии развития мы начинаем на основе системного анализа. Это позволяет нам выделить известную дихотомию: стабильность (на языке системного анализа – гомеостаз) и динамичность (развитие). В этом аспекте мы можем разделить отрасли экономики на консервативные (нацеленные на стабильность) и динамичные (нацеленные на развитие). Консервативность отраслей характеризуется достаточно длительным жизненным циклом развития отрасли. Это такие отрасли, как образование, геологоразведка, добыча сырья, переработка сырья и т.д. Так, инвестиции в образование как в

* Работа выполнена при финансовой поддержке АНО ИНОЦентр, грант К017-2-01/2005.

отрасль дают отдачу через 100 лет, геологоразведка – через 50–60 лет; добыча сырья – через 40–50 лет. Динамичность отраслей определяется не только готовностью к инновациям, но и сравнительно коротким жизненным циклом развития отрасли, когда прежние достоинства становятся недостатками, начинают тяготить экономику страны. Чтобы ограничиться их перечислением, назовем всего лишь три такие отрасли: ИТ-технологии, пищевкусовая и легкая промышленность, электротехника. Следует подчеркнуть, что характеристика консервативности и динамичности отраслей – это характеристика имманентно присущих им свойств, а не оценка их вклада в экономический рост и научно-технический прогресс. Уместно привести следующее сравнение: динамичные отрасли – это лицо страны, а консервативные – стеновой хребет. Повторим, все отрасли важны, каждая из них делает свой вклад в развитие страны. Интерес представляет способность регулировать технологические сдвиги, проводить структурную перестройку экономики, создавать то, что мы привыкли называть инновационной экономикой.

Необходимо определить влияние государственного регулирования, т.е. государственной поддержки, на темпы развития данных групп отраслей. Тут можно увидеть следующее. Длительная отдача от инвестиций, даже если уровень доходности высок, мало привлекательна для бизнеса. Применение экономических коэффициентов – дисконтирования дохода, внутренней нормы рентабельности, рискованности проекта – ставит высокий порог для инвестиций в отрасли, определяемые нами как консервативные. Поэтому основа будущего развития этих отраслей – инвестиции – будет обеспечиваться государством. Ведь для государства как общественного института важнее социальные, а не экономические достижения. Важнее стабильность в обществе, а не демонстрация личного успеха отдельных бизнесменов. Вот как, например, оценивает государственную политику эксперт, сотрудник городской администрации г. Стрежевого: «...поступление в бюджет – с какой отрасли нам разницы нет. Поскольку политика Федерации опять – отнять все, а потом поделить поровну. Получается, что от 1 руб. у нас остается 1,5 коп., а остальное мы получаем в виде помощи наравне с Каргаском, Бакчаром и т.д. То есть нам разницы – «Томскнефть» там работает или что-то еще – нет. Я имею в виду в плане бюджетной обеспеченности».

Бизнес активно идет в динамичные отрасли. Для него конкуренция – стимул, личный успех – достижение. Здесь приоритет – эффективность, а не равенство и справедливость. Государственная поддержка в этих отраслях будет приводить лишь к снижению конкуренции, монополизации, а также к зависимости бизнеса от бюджетных источников доходов. Тем не менее инвестиции в данные отрасли позволяют повышать конкурентоспособность страны на мировом рынке. Таким образом, государству в поддержке данных отраслей следует пройти между возможным снижением конкуренции и растущей международной конкуренцией со стороны старых и новых индустриальных стран. Поэтому следует признать потенциально успешной схему особых экономических зон промышленно-производственного и технико-внедренческого типа, технопарков, бизнес-инкубаторов и других форм точечной структурной перестройки экономики.

Государственное регулирование энергетической сферы и приватизация нефтяных компаний: российская модель

Развитие нефтяных, газовых и электроэнергетических предприятий определяется не только технологическими требованиями и экономическими условиями, но и политическими факторами. К таким политическим факторам можно отнести способность государства регулировать стабильность поставки энергетических ресурсов, прогнозируемость цен, эффективность их производства, а также стремление государства перераспределять в свою пользу природную ренту, особенно в период высоких цен на природные ресурсы. Следует отметить, что присвоение природной ренты легче всего происходит именно собственником предприятия. Это приводит к тому, что государство стремится так или иначе взять предприятия энергетической сферы под свой контроль. Поэтому в России деятельность приватизированных нефтяных компаний будет осуществляться с оглядкой на позицию государства в отношении самостоятельности нефтяных компаний. Неоднозначность отношения государства к самостоятельности нефтяных компаний мы можем разделить на два вида: «либеральную» и «патриотическую» позицию. Либеральная позиция характеризуется приоритетом повышения эффективности производства. Мероприятия государства связаны с поощрением роста частной инициативы, внедрения новых технологий производства и управления предприятием, активным заимствованием передового опыта других стран в этой области. Патриотическая позиция характеризуется необходимостью достижения «справедливости» в доходах предпринимателей различных отраслей экономики. В этом случае мероприятия государства направлены на увеличение изымаемых доходов из предприятий нефтегазовой сферы. При этом в средствах массовой информации усиливается риторика «за» и «против» увеличения государственного управления, учащается использование антирыночных аргументов, наглядных примеров «провалов рынка». Обе позиции периодически сменяют друг друга.

Рассмотрим в первую очередь либеральную позицию. В новой России исторически она сформировалась раньше. Обусловлено это было отказом от административных методов планирования и переходом экономики страны на рыночный путь развития. В этой связи нефтегазовая отрасль рассматривалась в одном ряду с другими отраслями экономики страны. Кроме того, в этот период экономических реформ могла использоваться крайне либеральная риторика неоклассического направления экономической теории. Подробнее о приватизации российской экономики и об идеологии этого процесса можно прочесть в работе «Приватизация по-русски» [1].

Согласимся, что использование проблем и аргументации данной теории не означает использования ее выводов. Отметим только, что в настоящее время все реже прибегают к неоклассическим аргументам. В частности, если теорема Коуза обосновывает одинаковый результат экономической деятельности предприятия, в случае если оно частное, то анализ М. Росса о наличии связи между ресурсной обеспеченностью и уровнем защиты прав собственности позволяет выделить иную цепь развития событий. Так, если становится возможным получение части ренты криминальными организациями в качест-

ве платы за их услуги по защите прав собственности в условиях слабого исполнения этой функции государством, то это приводит к замещению государства подобными организациями. Причем данное замещение может стать необратимым, поскольку рост таковых организаций еще более ослабляет государство, в том числе и его возможности по защите прав собственности [2]. При этом у Росса необъясненным остается сам факт исходной плохой защищенности прав собственности: сложилась ли такая ситуация случайно либо она представляет собой закономерное последствие неких иных причин? Кроме того, для выхода из такой ловушки, по мнению Тамбовцева, опять требуется сделать упор на некую «устойчивость демократической формы правления». А если ее нет, то как дальше развиваться, поскольку импорт институтов возможен лишь при строгом общественном консенсусе? В результате либеральные идеи демократии и стабильных отношений собственности отошли на второй план, уступив приоритет проблемам борьбы с олигархами, коррупцией, рэкетом.

Особенно это заметно при общении с молодежью. Как обычно, молодежь высказывает максималистские идеи – запретить или разрешить, развивать или тормозить развитие. При этом рассуждения опираются на мнения других, авторитетных для молодых людей лиц. Поэтому при возникновении дискуссии следует делать уточнение – это Ваше личное мнение или так следует «правильно говорить»? При условии возможности свободного волеизъявления чаще склоняются к патерналистской позиции, а не к либеральной, основанной на свободной конкуренции. Чаще всего это связано с имеющейся финансовой зависимостью от родителей и отсутствием опыта самостоятельной жизни. Но также это определяется и низкими ожиданиями и узостью собственных жизненных перспектив. Это вполне соответствует выводам А. Ходыкина, составившего «портрет» менеджера нефтегазовой индустрии XXI века: «Личность с выраженной менеджерской харизмой, со всеми качествами лидера, коммуникабельный, среднего возраста (35–45 лет), с опытом работы в качестве руководителя не менее пяти лет, с высшим профильным образованием, нацеленный на строительство карьеры в одной компании, свободно владеющий иностранным языком, ведущий здоровый образ жизни и следящий за своим внешним видом» [3]. Привлекает внимание прежде всего активность и четко выраженные качества лидера, что, несомненно, будет приводить к столкновению интересов, а зачастую и просто амбиций различных сотрудников в нефтяных компаниях. Для молодежи – это азарт борьбы, но какие могут быть последствия такой борьбы – чаще всего не анализируется. Кроме того, при всей яркости сотрудника он оказывается нацеленным на карьеру только в одной компании, а это резко сужает поле для всестороннего анализа личностного развития, зато позволяет укреплять «патерналистские» основы в карьере амбициозного менеджера. Различные программы сохранения кадров, надбавки к выслуге лет, дискриминация при приеме на работу по месту проживания (например, преимущество для жителей г. Стрежевого) ограничивают свободную конкуренцию на рынке труда и никак не способствуют развитию либеральных идей у работников нефтяных компаний.

Теперь рассмотрим патриотическую позицию. Эта позиция использует набор аргументов различных теорий, зачастую не экономических, но имеющих отношение к доходам и вывозу прибыли за границу. Во-первых, это теория о том, что некие организации задумали разрушить и разграбить страну. Им помогает в этом местная «пятая колонна» – предприниматели и олигархи, которых надо немедленно остановить с помощью «карающей руки закона». Данная теория хороша для поиска виноватых, но не для устойчивого, действенного решения проблем социально-экономического развития страны. Во-вторых, испытанная во времени и популярная позиция «грабь награбленное» или же «вернем государству полученную в 90-е годы за бесценок собственность». Данная позиция обладает внутренней противоречивостью, нивелирует права частной собственности и в целом отвергается руководством страны. Вот как, например, определил свое отношение к переделу собственности В. В. Путин: «Категорически возражаю против любых переделов собственности. Считаю, наоборот, что в России на этом этапе надо решить две основные проблемы. Первая – гарантировать права собственника. Причем гарантировать права собственника на все. Вторая задача – создать одинаковые условия для любого инвестора. Одинаковые вне зависимости от его положения на рынке и от его близости к властям. Две обязательные задачи, без решения которых нам не создать благоприятного инвестиционного климата в стране» [4]. Однако, несомненно, что банкротство «ЮКОСа» нивелировало данные слова президента. Особенно, если принять во внимание выплату другому российскому нефтяному олигарху Р. Абрамовичу 13,5 млрд дол. в качестве компенсации за «Сибнефть», преобразованную в «Газпромнефть». Такие «жесты» со стороны власти наглядно продемонстрировали дифференцированное отношение к собственникам, что, скорее, вредит самому институту собственности, чем способствует его укреплению. При этом наиболее часто называемая причина такого избирательного подхода – это попытка М. Ходорковского использовать накопленные капиталы для продвижения своих интересов через отдельных чиновников, депутатов, представителей образования, науки и культуры. Фактически осуществлялась приватизация власти, приватизация государства. Причем общество отвергало приватизацию власти, объединяя олигархов и руководителей страны в одну группу, определяя их власть как воровскую. Во второй половине 90-х гг. стало устойчивым выражение «семибанкирщина» по аналогии с «семибоярщиной» – формой правления в России времен Смуты XVII в. Ощущение новой смуты, «Смуты XX века», дополнялось «информационными войнами» основных телеканалов. Так, например, Первый телеканал озвучивал точку зрения Б. Березовского, НТВ – В. Гусинского, ТВЦ – Ю. Лужкова, РТР – точку зрения «либералов» (А. Чубайс) и т.д. Вполне естественно, что в этих условиях в обществе росло ожидание прихода «крепкой руки» государства взамен пропагандировавшейся с конца 80-х годов «невидимой руки» рынка. В большинстве случаев простые граждане считают, что перестройка, начатая М.С. Горбачевым, не закончилась в 1991 г., а продолжается поныне. В результате возникает общественная поддержка силовым действиям при перераспределении прав собственности в целом, а в отношении нефтяных компа-

ний – в особенности, по причине высокой доли рентной составляющей в национальном доходе России.

Итак, теперь рассмотрим третью группу аргументов патриотической позиции, а именно: особенность природной ренты как специфического вида доходов. Природная рента возникает помимо личного вклада собственника рентообразующего имущества, она возникает вследствие перераспределения доходов между гражданами страны. Возможность, а точнее необходимость присвоения природной ренты государством обосновывалась еще в XIX в. Г. Джорджем в работе «Прогресс и бедность», опубликованной в 1879 г.

Для нашей страны природная рента стала приоритетным источником факторных доходов в результате резко возросших цен на энергоносители. Причем рост мировых цен на топливо произошел почти сразу же после завершения финансового кризиса 1998 г. в России, когда правительство было готово проводить непопулярные реформы. В тот период времени наблюдалось согласие по поводу ограниченности периода высоких цен на нефть, и, следовательно, необходимости подготовки к худшим временам. Споры были в отношении путей использования полученных средств.

Нефтяные компании хотели повысить доходность, направить полученную прибыль на расширение производства, расширить свои лоббистские возможности. Такое, например, мнение высказал в конце октября 2005 г. первый вице-президент инвестиционной компании «Ренессанс Капитал» И. Юргенс: «Поскольку наши все более дорогие ресурсы уходят все более на север и в глубину наших недр, так как самые легкие нефти уже добыты, нужно что-то делать для ускорения геологоразведки, ремонта заброшенных скважин» [5]. Кроме того, по его мнению, использовать средства Стабфонда на помощь нефтяникам – только одна из необходимых мер. Большую часть проблем, полагает он, «можно было решить изменением налогообложения нефтяников, нефтедобытчиков, когда часть остающейся у них прибыли они могли бы инвестировать в улучшение собственной инфраструктуры».

Однако государство требовало повысить отчисления в бюджет, чтобы предотвратить повторения финансового кризиса [6]. В этом споре победило государство. Неразвитая культура публичных споров правительственных чиновников с хозяйствующими субъектами и общая слабость института частной собственности предопределили частичную национализацию отраслей, присваивающих природную ренту. Именно в таком аспекте можно рассматривать уничтожение «ЮКОСа», применение жестких санкций к другим нефтяным компаниям, расширение сферы действия государственной монополии – «Газпрома», стимулирование внешнеэкономической экспансии «Норильского никеля», «РУСАЛа», других металлургических компаний и т.д. Внешнеэкономическая экспансия дополнилась усилением протекционизма на внутреннем рынке лесного и сельского хозяйства, также способных присваивать природную ренту.

В настоящее время, в условиях мирового финансового кризиса и связанного с ним снижения цен на нефть, резко изменился тон в рассуждениях правительства. Теперь оно готово ограничить изъятия в Стабилизационный

фонд, в связи с чем возобновилась дискуссия о назначении Стабилизационного фонда и его частей: Резервного фонда и Фонда национального благосостояния. Поэтому такие изменения вызывают интерес у различной аудитории – от студентов до менеджеров предприятий, связанных с нефтегазовым сектором. При этом студентов интересуют лишь общие моменты, связанные с необходимостью образования таких фондов, их экономических функций, влиянием результатов деятельности этих фондов на основные макроэкономические показатели, такие как инфляция, уровень доходов населения, неравенство доходов и т.д. Дискуссии со студентами Института геологии и нефтегазодобычи ТПУ при обсуждении проблем формирования и использования Стабилизационного фонда отражают весь спектр идей от либеральных (укрепление Стабилизационного фонда) до крайне патриотических (инвестирование капитала внутри страны), могут изменяться со временем, зависят от авторитета лица, высказывающего свое мнение, и не позволяют определить приоритеты студенческого мнения.

Обсуждение проблем формирования и использования Стабилизационного фонда с управленцами в нефтегазовой сфере также иллюстрирует неоднозначность мнения. Особенно ярко это видно при общении с людьми старшего поколения, имеющими опыт освоения Севера. Их отношение к специфическому методу использования средств Стабфонда однозначно характеризуется как вывоз капитала из страны, а зачастую и как способ «воровства государственных денег». Такое мнение высказал эксперт, сотрудник городской администрации г. Стрежевого: «Первоначально у нас, конечно, перерабатывающую отрасль убили окончательно. Ожидать, что кто-то ее восстановит. У нас есть Стабилизационный тот же фонд. Использовали бы на это». Другой эксперт, руководитель нефтяной компании, вторит ему: «Хорошо. Деньги есть. И мы набрали Стабилизационный фонд. Что мы сегодня начали строить и развивать? Что будет востребовано (рынком) потом? И чтобы начали производить продукцию, которую можно реализовывать на рынке. Если мы это не сделаем... Потому что, если просто так отдать милиционеру или учителю или куда-то вложить, в жилье... Рубль, который заработали нефтяники, газовики, мы должны вложить в то производство, которое бы заработало».

Поэтому можно сделать вывод, что реально государственное регулирование нефтяных компаний выходит далеко за рамки обычного для развитых стран государственного регулирования. Социальное партнерство с государством, социальная ответственность бизнеса – это формы проведения государственной социальной политики. При этом нефтяники свою роль в социальном партнерстве характеризуют по двум направлениям: для своих сотрудников и для местного населения в целом. Вот как говорит об этом руководитель нефтяной компании: «...(прежде) вся инфраструктура строилась и создавалась при прямом участии нефтегазодобывающих в управлении сервисных предприятий и нефтяного и газового сектора. Потом пришел период, когда это с баланса нефтяных предприятий перешло на баланс муниципальных образований, но часть объектов у нас осталась... И традиционно в местах проживания строился какой-нибудь дом дополнительного образования детей, стадион при совместном участии администрации и нефтяников построили,

Дворец спорта, тот, который сегодня на нашем балансе. Мы его содержим. Он открыт для доступа всех жителей». Для работников: «Выплачиваем пособия и на ремонт жилья, и в качестве определенных шагов с точки зрения содержания работников. У нас действует коллективный договор, где предусмотрена поддержка пенсионеров, кто ушел от нас на пенсию».

Теперь перейдем к рассмотрению мнения другой стороны социального партнерства – городской администрации. Эксперт, сотрудник администрации г. Стрежевого, высказал следующее мнение: «Внутри компании у них социальная политика если и не на «отлично», то на «хорошо»: у них и путевки, и многое другое... Огромный перечень социальных преимуществ. У нас это в остальных отраслях если и есть, то намного в усеченном виде. И эта разница у работников «Томскнефти», и у работников образовательных учреждений, как в уровне оплаты, так и в уровне социальной обеспеченности, что, конечно, не очень хорошо. Если когда «Томскнефть» была в структуре «ЮКОСа» и какие-то пожертвования делала, то с вхождением ее в структуру «Роснефти» и «Газпромнефти» вся эта социальная помощь затруднилась в связи с изменением структуры управления, которая получилась, что управляющих компании две, и значительно сократился объем пожертвований». На вопрос: какие наиболее значимые социальные проблемы у населения Стрежевского региона можете назвать, этот эксперт ответил: «Это жилье. Второе – это здоровье. Вообще-то здоровье это не только здравоохранение. Это как образ жизни. У людей должна быть максимальная доступность к занятиям спортом, к культурному досугу, к нормальной учебе детей. Плюс здоровая экология... У нас мало внимания уделяется пропаганде здоровья. (Только) демонстрация московской поп-тусовки, ее траты и так далее... Все это, кроме отторжения, ничего не вызывает. Они ведь сами подогревают недовольство населения».

Поэтому можно сделать вывод об адекватности современных проблем социального партнерства и методов их решения. Например, определение приоритета социальной защиты: в первую очередь работники предприятия; затем семьи работников компании и пенсионеры, вышедшие на пенсию из нефтяной компании; третьи – жители районов деятельности компании; в конце – прочие категории населения. Кроме того, социальная политика компании нацелена в будущее – забота о здоровье населения, обеспеченность культурным досугом, спортом, беспокойство фактической ограниченностью социальной рекламы на фоне безудержной рекламы потребительского общества. Так, например, эксперт в ходе беседы высказал надежду на молодежь: «На детей гляжу своих – совершенно другие. Вся надежда на вот это поколение. Не то поколение next, которое провалилось. Когда я с ужасом смотрю в Томске: с прищуренными глазами, с «чупа-чупсом» во рту, обколотые слонялись толпами... Есть просвет. Есть поколение, которое учится. Программа там у них «2100», они другие. Надо лет 10, наверное, чтобы эти дети стали 17-летними. И, наверное, тогда и мы будем лучше жить».

Свою деятельность в плане развития социального партнерства и бизнеса на выборном посту характеризует другой эксперт: «...мы сейчас ждем новых подвижек при заключении соглашения с компанией («Роснефть») о социаль-

но-экономическом партнерстве и сотрудничестве. Предыдущая компания («ЮКОС») говорила: «Мы платим налоги, а остальное нас не касается». Я считаю, что это ненормальный подход. И спустя два-три года предыдущая компания («ЮКОС») начала вести социально ориентированную политику. Этого же мы ждем и от новой компании». Поэтому можно утверждать, что как работники нефтяной и газовой сферы, так и жители и администрация нефтегазодобывающих регионов смотрят в будущее с оптимизмом. Причем этот оптимизм основывается на накопленном опыте и предыдущих ошибках.

Следует отметить, что даже тот факт, что руководитель «Газпрома» стал Президентом России, говорит скорее о том, что «Газпром» – это государственная компания, а не о том, что представитель бизнеса может стать руководителем страны. Кроме того, частные нефтяные компании представлены в основном в англосаксонских странах, где традиционно негативное отношение к государству, тогда как для России источником модернизации чаще является государство, а не бизнес. Хотя по природе своей государство всячески ограничивает частную инициативу.

С этим соглашается эксперт из администрации Стрежевого: «...и еще, если сравнивать государственную компанию с частной, то частная компания более мобильна. Она всегда вовремя реагирует на какие-то вызовы. Компания («ЮКОС») неудобно себя почувствовала после того, как она заявила, что у нас одни прибыли и никакой социальной политики, она сделала какие-то поправки. От огромной госкорпорации («Газпром») трудно ждать, что она быстро отреагирует».

В нашей стране позитивное отношение к вмешательству государства в экономику. Именно к государству, а не к рыночным нефтяным компаниям апеллируют сторонники рационального использования природных ресурсов. Так, по словам одного эксперта, занимающегося перспективным планированием, работающего в нефтегазовой сфере, «до перестройки жили в роскоши... потому что вот она, сырьевая база. Тот задел, который Лигачев сделал. То есть нефть нашли, инфраструктуру сделали, плохие они или хорошие, коммунисты. Они создали поселки (Пионерный), трубопроводы, газопроводы, хозяйство, которое вдоль реки идет. Это все есть». Отношение к деятельности современной администрации опирается на предыдущий опыт эксперта: «Это вот перспективная зона. Южная, юго-западная, детище Лигачева – город Кедровый. Город в никуда, город-призрак. То есть сообщений нет ни с чем. Аэропорт сгорел, администрация никаких сил не прикладывает». Компании, имеющие лицензии на разработку участков нефтегазодобычи, «не могут полностью выйти на эти месторождения по одной причине. В одиночку им не потянуть строительство инфраструктуры. Трубопроводов, дорог, линий высоковольтных передач, помощи, координации администрации нет. Мы год собираемся... Мы собираемся, собираемся, собираемся, и ничего не сделано. Перспектива есть. Нефти много».

Частные компании гораздо сильнее озабочены извлечением краткосрочных доходов в противовес созданию долгосрочных выгод, что особенно заметно в территориальном размещении и в геологоразведке. Так, частные (или приватизированные) компании располагаются в освоенных регионах добычи,

разведка осуществляется в уже опробованных районах поиска месторождений. Тогда как государственные компании не только расширяют географию разведки и добычи, но и стремятся вовлечь в экономическое использование сравнительно слабодоступные энергетические ресурсы, например газогидраты. Так, сотрудник администрации г. Стрежевого следующим образом охарактеризовал деятельность частных нефтяных компаний: «Ведь если посмотреть на карту, то новые собственники... Ведь можно на что угодно уповать, на тяжелое налоговое бремя, на то, что нет отчислений на геолого-разведочные работы, но ведь ничего такого значимого не открыто, не построено. Мы живем прежним капиталом». Другой эксперт (руководитель крупной нефтяной компании) в ходе интервью дал такую характеристику состояния в отрасли: «С крупными месторождениями и крупными проектами частному бизнесу не под силу. Вот, например, Восточная Сибирь. Труба с Тихого океана на Восток. Те риски, затраты, которые есть, – просто колоссальны. У нас есть экономические, политические риски... И частному бизнесу это не под силу. Но частному бизнесу есть место, где есть маленькие месторождения. Где большой компании может быть величина вложения средств в развитие этого небольшого месторождения неинтересна или просто неэффективна... Практически сейчас нефтяной сервис становится уже 50 на 50. 50 – частный и 50 – государственный».

Из всего сказанного выше может сложиться впечатление, что частные компании ограничивают устойчивое долгосрочное развитие нефтяной отрасли, однако это не так. Частные компании успешно внедряют механизмы контроля и управления предприятием. Давление рыночных сил толкает на внедрение Международной системы финансовой отчетности, системы бюджетирования, бизнес-планирования, использование методов современного менеджмента, вследствие чего частный сектор может быть не только конкурентоспособным, но и могущим создать реальную альтернативу государственным компаниям при осуществлении общественного выбора пути социально-экономического развития.

Такое мнение, например, высказал один из экспертов: «С ареста Ходорковского, с началом краха «ЮКОСа» – это 2003–2004, сложные периоды наступили. И руководство, которое находится в тюрьме, сумело, по крайней мере, сделать одно. Он стабильно выплачивал зарплату. Ни одного провала не было». При этом отмечается сохранение прежнего стиля управления, несмотря на произошедшие неоднократные смены собственников: «Стиль руководства – командный. Демократии никакой. Проходили мы все эти стили, пытались в «ЮКОСе» поменять, изучили и забыли. Все по старинке: я – начальник, ты – дурак». Ему вторит эксперт из администрации г. Стрежевого: «Ведь в чем проблема приватизации? В том, что она была произведена грабительским способом. И это не просто недовольство людей, это обида, которая будет переходить из поколения в поколение. Все будут знать и помнить, как назначались наши олигархи. Да и к тому же Россия такая страна, где богатство никогда не было мерилom общественной ценности». При этом отношение данного эксперта к перспективам развития частной собственности в нефтегазовой сфере более благожелательное: «...чем отличается частная корпорация

от государственной? Я могу сказать, что государственная корпорация больше безответственна. Особенно крупные. Они ведь рассуждают так: «Я ведь тоже государство». Она никого не боится – всех этих контролирующих органов, проверяющих. Она может нарушить какие-то экологические требования. Частника это бьет по карману, по прибыли». В результате на практике деятельность частных компаний становится более эффективной в плане бизнеса, в плане стимулирования текущей деятельности, однако проигрывает в деятельности, ориентированной на долгосрочные результаты.

Благодаря такому сравнительному равенству сил либеральной и патриотической позиции и происходит их периодическая смена друг другом.

Необходимо отметить и такую тенденцию, как заключение между нефтегазовыми компаниями и крупными международными сервисными компаниями соглашений о стратегическом партнерстве. Данная деятельность характеризует усиление частной инициативы в данной отрасли. В качестве примера можно привести соглашение, подписанное между «ТНК» и «Halliburton» о сотрудничестве в реабилитации, разведке и разработке Самотлора, также «ЮКОС» и «Schlumberger» заключили стратегический альянс, в рамках которого «Schlumberger» должна в течение пяти лет оказывать сервисные услуги.

Такое мнение высказал руководитель крупной нефтяной компании: «Вот там небольшие и частные компании просто необходимы... Если смотреть по сегменту рынка сервисного. Геофизика – это вообще частный бизнес. Он настолько конкурентный, настолько на рынке остро стоит конкуренция. Геофизика – это сейсмика и промысловая геофизика. Есть западные компании, типа «Schlumberger», «Halliburton», есть российские компании. Здесь настолько развито – пожалуйста, можно любого выбирать. В области ремонта скважин тоже... Другое дело, что сейчас все активно занимаются инвестициями в развитие основных фондов (скважин), поэтому востребован этот бизнес. Потенциал сервисных служб быстро наращивается. Другое дело, что качество немного страдает. Но это (улучшение качества) дело времени».

Отношение региональной власти к структурной перестройке экономики

Теперь рассмотрим позицию Томской областной администрации, опубликованную в Интернете в 2007 г. [7]. В Стратегии развития Томской области до 2020 г. выделим только те аспекты, которые затрагиваются в данной статье. В частности, фиксируется разделение области на две части: юг области – мегаполис «Центр знаний и инноваций», тогда как север области (зона Севера) является ресурсной базой – «источником сырья». Кроме того, высказывается пожелание: «Томская область – один из наиболее динамично развивающихся регионов России со среднедушевыми доходами населения 20–40 тыс. руб. в месяц (в текущих ценах)». Что касается динамики отраслевой структуры, то указаны показатели развития следующих отраслей и подотраслей экономики: электротехнической, атомной промышленности, лесной промышленности, ИТ, новой экономики, науки, биотехнологии, высшего образования, сельского хозяйства, нефтегазовой, нефтехимической, пищевой промышленности и машиностроения. Ограничимся рассмотрением наиболее вероятного варианта данного сценария. Рост производства в 2020 г. по отноше-

нию к 2004 г.: нефтегазовое дает 99 % (или сокращение на 1 %); новая экономика – рост 3250 %; ИТ – 1621 %; биотехнологии – 1257 %; высшее образование – 317 %, даже сельское хозяйство – 152 %. То есть все отрасли, за исключением нефтегазовой, дают значительный рост. Чем можно объяснить такую нелюбовь к базовой отрасли? А также чем можно объяснить такие ожидания от вклада новой экономики и ИТ?

Поэтому можно заключить следующее. У власти в целом, в том числе региональной власти Томской области, в частности, налицо завышенные ожидания от перспектив вклада современных технологий в экономическое развитие. Те успехи технологического прорыва, которые очевидны в США и в Японии и Китае, «азиатских тиграх», отнюдь не гарантированы в нашей стране. Так, остаются слабо изученными институциональные основы внедрения достижений технического прогресса. Приоритет в формировании институциональных основ отдается устойчивой судебной системе, затем налоговой, банковской и т.д. Развитие сырьевых отраслей становится менее приоритетным. Даже появился тезис: «сырьевое проклятие России» [8, 9]. Зачем же тогда требуют от России подписать «Энергетическую хартию», что позволит получить доступ США и европейским странам к богатствам недр Сибири и российского Дальнего Востока? Выводы данного анализа говорят об отсутствии влияния сырьевой обеспеченности страны на возникновение негативных условий для российской экономики в целом. В данном случае определяющим является наличие таких условий, которые способствуют стагнации социальных институтов, а также низких темпов экономического развития.

Как ни удивительно, но одним из условий торможения экономического развития является требование большей социальной справедливости, лучшего перераспределения богатства, в первую очередь природного. Поэтому следует отметить, что такие политические требования могут адресоваться исключительно к федеральному уровню власти в связи с построением устойчивой властной вертикали. Федеральной властью для регионального уровня бюджетной системы определены ограниченное количество источников доходов, причем наиболее стабильные источники бюджетных поступлений предназначены для федерального бюджета, а региональным бюджетам оставлены менее стабильные источники доходов. В результате региональные органы власти больше озабочены формированием «справедливой формулы» трансфертной помощи Центра, а также привлечением централизованных инвестиций для решения инфраструктурных проблем, но никак не решением политических задач – уровнем налогового бремени, соотношением справедливости и эффективности в бюджетной политике и т.д.

Так, например, распределение налога на добычу полезных ископаемых осуществляется в жестких условиях централизации – с 2005 г. 95 % поступлений от НДПИ направляется в федеральный бюджет, а 5 % остается регионам.

Поэтому влияние органов власти Томской области на развитие предприятий топливно-энергетического комплекса является ограниченным. Это влияние может распространяться на местные средства массовой информации,

на мнение ведущих электоральных групп, на профсоюзы и другие объединения работников, тогда как непосредственно на предприятия – в меньшей мере. Показательным примером этого является выступление премьер-министра В.В. Путина перед руководителями нефтяных компаний [10].

Мы считаем, что нефтегазовые предприятия сохраняют свою роль и в 2020 г., тогда как современные технологические отрасли обладают высокой рискованностью инвестиций и очередной технологический рывок сделает их устаревшими: «наши микрокалькуляторы самые большие микрокалькуляторы в мире!». Подчеркнем, технологический рывок возможен во всех отраслях, например в добыче нефти и газа, их транспортировке и в производстве ЭВМ, но и застой возможен везде. Вот, например, какое мнение высказал руководитель нефтяной компании: «Хорошо, что у нас есть этот локомотив. Смотрите. Вокруг одного нефтегазодобывающего предприятия от 5 до 7 человек сидит – ближайший сервис, который нас обслуживает. Следующий круг – это машиностроительные заводы, это производители продукции, которую мы потребляем. Это труба, установки технологические, химреагенты. И причем район расширяется. За Урал уходит. Или установку провели, или как корабль, или частично в вооружение, которое сейчас востребовано. Чтобы можно было продать и на чем заработать». Ему вторит эксперт по планированию: «У нас нет генерирующих областей. Почему нам не добывать свою электроэнергию? Попутный газ. Разобраться с химической промышленностью. Имеем два комбината. Один стратегический, другой нефтехимический. Почему у нас нефть реками льется, а покупаем мебель дачную «икеевскую»? Почему не развивается химическая промышленность? (Санки-ледянки – это анекдот.) Оказывается, в России есть разработки такого материала, как керамзот. Технология – как у керамзита. Никто не делает ничего, все только ноют, что нет денег. Почему ремонт улиц Томска делает кузбасское предприятие? У нас дорожников нет что ли? Конкурсами прикрываются. Мосты все переделывают».

Важно обеспечить условия для системного внедрения достижений научно-технического прогресса, в результате которого будет повышаться реальная заработная плата, расти эффективность производства, расширяться участие России в международных экономических проектах.

Литература

1. *Приватизация по-российски* / Под ред. А.Б. Чубайса. М.: Вагриус, 1999.
2. *Тамбовцев В.Л.* Можно ли ожидать защиты прав собственности в России? // Проблемы экономической теории и политики / Под общ. ред. А.П. Заостровцева. СПб.: МЦСЭИ «Леонтьевский центр», 2006. С. 374–401.
3. *Ходыкин А.* «Портрет» менеджера нефтегазовой индустрии XXI века – http://www.oilcapital.ru/analytcs/2007/07/251351_119738.shtml
4. *Кифорук Т.* ТЭК – от дойной коровы к священному животному / Сургутская трибуна. 2000. 7 марта – URL: <http://www.nefte.ru/gos/gos2.htm>
5. *Эксперты спорят, как использовать Стабилизационный фонд России* – URL: http://www.respublikaidei.ru/wr_analit/analit/analit_2005-10-31_609.html
6. *Кудрин А.* Тратить или не тратить: вечный вопрос стабфонда – URL: <http://www.businessproekt.ru/NewsAMShow.asp?ID=765311>

7. http://www.tomsk.gov.ru/ru/economy_finances/strategy_documents/strategy.zip
8. Новиков В. О силе воли: почему Россия не Ботсвана? 21.06.2006 – URL: <http://www.iet.ru/ru/o-sile-voli-pochemu-rossiya-ne-botsvana.html>
9. Скидельский Р. Может ли Россия избежать «сырьевого проклятия»? Опубликовано на сайте inosmi.ru: 06 июля 2004. Оригинал публикации: Can Russia escape the «Resource» Curse? – URL: <http://www.wsj.com>
10. Вступительное слово В.В. Путина на совещании по вопросам развития нефтегазового комплекса – <http://premier.gov.ru/visits/ru/43/269.html>